

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборки из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

22.14

№ 129 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Максим Грек

Завтра день памяти великого святого 16-го века Максима Грека.

Преподобный Максим был сыном богатого греческого сановника, получил блестящее образование. В юности много путешествовал и изучал языки и науки в европейских странах; побывал в Париже, Флоренции, Венеции.

Возможностей женитьбы и карьеры у молодого Максима было много. Но по возвращении на родину, он прибыл на Афон и принял там монашество. В монастыре Максим занимался изучением древних рукописей, оставленных на Афоне греческими императорами – монахами Андроником Палеологом и Иоанном Кантакузеном. Одним словом, святой Максим занимался в свое удовольствие исследовательскими трудами, молился в тишине кельи, всё было спокойно и всё его устраивало. Но, вероятно, Господу было угодно усложнить жизнь инока, что успешно и было осуществлено.

Дело в том, что Московскому князю Василию Иоанновичу, княжившему с 1505-го по 1533-й год, взбрело в голову разобрататься в греческих рукописях и книгах своей матери, Софии Палеолог. Силами своего окружения он сделать этого не мог и поэтому обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой прислать ему учёного грека. Никого, более подходящего, чем Максим, не оказалось, и посему пришлось ему навсегда проститься с уютной своей кельей и ехать в Москву.

Здесь его встретили и загрузили работой. Помимо прочего ему было поручено перевести на славянский язык толкование на Псалтирь, затем толкование на книгу Деяний Апостолов и несколько Богослужбных книг.

Максим старался изо всех сил, но беда в том, что славянский язык не был родным для переводчика, и поэтому, естественно, возникали неточности в его переводах. Впрочем, на эти нюансы никто не обращал внимания, до поры до времени, пока не произошёл конфликт преподобного с митрополитом Даниилом.

Ссора произошла нежданно-негаданно. Митрополит поручил Максиму перевести на славянский церковную историю Феодорита, а Грек решительно отказался это делать. Преподобный указывал на то, что «в сию историю включены письма еретика Ария, а сие может быть опасно для простоты» (для простонародья).

Плюс, примерно в это же время Грек умудрился попасть в немилость и к Василию – великому князю, который вознамерился расторгнуть свой брак со своей супругой, а преподобный послал ему свои обличительные письма.

И вот тогда вспомнились все его ошибки в переводах и стали вменяться ему в вину, как умысленная порча книг. Его посадили в тюрьму.

Но и в тюрьме преподобный не терял времени. В заключении Максим написал углём на стене канон Святому Духу, который до сего дня читается в православных церквях: «Иже манной питавший Израильтян в пустыни в древности, и душу мою, Всевышний, Духа наполни Всесвятого, дабы в Нем благоугодно служить Тебе всегда...»

Шесть лет отсидел преподобный в тюрьме, затем его освободили и послали под церковным защитением в Тверь. Там уже было полегче. Добродушный епископ Акакий полюбил Максима и отнёсился к нему с большим уважением. Здесь пре-

подобный написал автобиографическое произведение с длинным названием: «Мысли, какими инок скорбный, заключённый в темницу, утешал и укреплял себя в терпении». В свойственном византизме стиле там встречаются такие вот высокопарные строки: «Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страдаешь без правды от коих подобало бы тебе принять всё благое, ибо ты полюбила их духовно, предложив им трапезу, исполненную Святого Духа...» Через двадцать лет пребывания в Твери преподобному уже разрешили проживать свободно и сняли с него церковное задержание.

Последние годы своей жизни преподобный Максим Грек провёл в Троице-Сергиевой Лавре. Ему было уже около 70 лет. Гонения и тюрьма отразились на здоровье преподобного, но дух его был бодр; он продолжал трудиться. Вместе со своим келейником и учеником Нилом преподобный усердно переводил Псалтирь с греческого на славянский язык.

Преставился Максим в 1556 году 21 января по старому, 3 февраля по новому стилю. Погребён у северо-западной стены Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры.

БЫТОВУХА

О. Иоанн. «Детство у меня было не то, чтобы бедное – еды хватало, но игрушки, по большей части – деревянные. Своего дома не было никогда, и смысла иметь не было – папу переводили с одного прихода на другой – то в городской, то в деревенский. При храмах, как правило, обреталась хатинка – хорошо, если ещё в шевченковском стиле, а то и на курятник похожая, куда мы и поселялись. Бывало такое, что все мешки и коробки распаковывать не успевали, как отец получал Указ на новый приход. И тогда опять – все вещи – в ящики и вязанки и – в самосвал. Между барахлом в кузове всегда находилось место и мне с мамой и – вперед – осваивать новый приход.

Иногда бывало так, что в избушке, куда мы въезжали, не было ни отопления, ни водопровода – за водой надо было ходить к соседям метров за 300, как это было, к примеру, в Агаиманах. Тогда мы – папа, мама и я – брали лопаты и рыли траншею к ближайшему водоводу, отец нарезал резьбу на трубах, соединял их с помощью муфт и сгонов, мы их смолили, обматывали тряпками и зарывали. И, глядишь, через месяц в церковном дворе появлялась водопроводная колонка, а ещё через месяц – мама уже затапливала плиту, собственноручно ею сложенную. Между прочим, в своё время на все Гопри она была единственной печницей, которая могла сделать пятиколенную грубу с отличной тягой. Этим временем папа изготавливал змеёвик для водяного отопления, который вставлялся в топку этой же печи, и монтировал отопительные трубы и радиаторы. А ещё через месяц эта полусарайная хата обретала удивительный уют. Мама была ещё и портной-дизайнером – она умела драпировать и завешивать кривые, покосившиеся стены настолько умело и эстетично, что вчерашний «свинарник», совершенно непригодный для жилья, становился хоромами.

Я с благодарностью вспоминаю те счастливые годы детства, тот комфорт и уют, который умели создавать родители абсолютно в любых условиях.

Это очень важное свойство, которое хорошо бы иметь всем. Жить комфортно при тех обстоятельствах, когда, на первый взгляд, это кажется невозможным.

К сожалению, создать себе среду обитания могут далеко не многие, даже если денег много есть. На самом деле, очень мало сегодня домов, в которых по-настоящему уютно. Это я говорю, поверьте, со знанием дела. По долгу службы меня часто приглашают освящать дома, и за 22 года своего служения (я уже сбился со счёта), наверное, не одну тысячу освятил. Особенно откровенные дома стали появляться с конца 80-х. Многоэтажки частным лицам строить разрешили, а общей культуры строительства не было – сам себе и архитектор, сам себе и дизайнер. Помню на одном освящении я чуть не подох. Привезли меня к четырёхэтажному особняку, у которого лестницы почти вертикальные – в три раза круче, чем положено, ходить – на грани невозможного. А я тогда был ещё толстым – я и сейчас не худой, но тогда было всё раза в два хуже. Когда я обходил все комнаты, чердаки и подвалы, язык мой болтался ниже пояса. Бетона, кирпича и цемента там использовано столько, что из

этого материала можно было пятиэтажный многоквартирный дом построить. Но планировка - ужаснейшая - жить там - сущая кара - ад, который начинается уже здесь, на земле, самим хозяином уготованный себе и своему семейству. Причём, в те годы, абсолютное большинство крупных домов - просто с кошмарной планировкой. Среди больших частных многоэтажек я припомню всего 2-3 - более-менее уютных - хороший архитектор нашёлся, а главные, дизайнеры постарались».

Вообще, то, что среди крупных домов очень мало уютных - естественно, потому что создать уют в большом доме, на самом деле, крайне сложно. Нужно, каким-то образом обмануть природу человека, которая противится любому излишеству. Образно говоря, в большом доме жить примерно так же вредно для организма человека, как и съедать в 5 раз больше нормы. Срабатывают древние инстинкты, где-то глубоко сидящие в человеке ещё с неандертальского периода - человек подсознательно ищет уединения в ограниченном, контролируемом своими чувствами пространстве. А если помещение сильно большое, люди, находящиеся в нём, испытывают необъяснимую ими самими тревогу, беспокойство, дискомфорт.

Кстати, если Вы хотите расположить к себе человека, сблизиться с ним, не приглашайте его в громадный зал. Если в вашем доме нет маленькой гостиной, то лучше попейте с ним чай на кухне.

О.Иоанн: «В церковном домике, где я обитал до недавнего времени, есть комнатка: два метра на два с половиной - кто был - знает. Если гостей не сильно много, мы старались уместиться именно там, хотя рядом зал - в шесть раз просторнее. Помнится, лет двенадцать назад был поставлен «рекорд Гиннеса»: в этой комнатке - **два на два с половиной** - за стол умудрились усесться 20 человек. И вечеринка, между прочим, удалась на славу. В этой же комнате любил сидеть ныне уже покойный - Царство ему Небесное - Юрий Фёдорович Кравченко - наверное, единственный Херсонский губернатор, по которому осталась добрая память наших земляков. Здесь же уютно себя чувствовали и Михаил Росинский, и Эдуард Гуров, также покойные - быть может, имена эти кому-то о чём-то говорят, американцы именитые здесь побывали - в общем, сотни, если не тысячи самых разных колоритнейших людей предпочитали отдыхать именно в этой конуре».

Это, конечно, крайности, но закономерность здесь железная - добиться живого общения за громадным столом в громадном помещении - на грани невозможного. Большие пространства отчуждают людей, способствуют удалению их друг от друга. Ну не то, чтобы так жёстко и категорично - поселились в громадном доме, стали обитать на большем расстоянии друг от друга - поэтому и семья распалась. Прямой зависимости здесь, конечно, усматривать нельзя, но каких-то «пять копеек» в этом есть точно.

Как Вы понимаете, все эти моменты мы проговариваем с Вами к нашей теме, которую мы подняли в прошлом выпуске, проблеме комфорта, когда в стремлении жить лучше, люди зачастую серьёзно **ухудшают** свой уровень жизни, а то и вообще, помещают себя в условия просто невыносимые. Причём, часто не осознавая этого. Не верят своим чувствам. Все клетки организма до единой просто кричат, что мне здесь, в новом доме, гораздо хуже, очень плохо жить. А друзья, коллеги по работе, родные завидуют и хвалят - какие молодцы - какой дом отгрохали!

Это, между прочим, настоящая трагедия, о которой мало кто говорит - сотни и тысячи людей десятилетия трудятся, не покладая рук, чтобы устроить себе дискомфорт и namного снизить качество жизни. Ведь для того, чтобы построить себе бетонный «саркофаг» - нужно потратить уйму денег, времени, физических сил и эмоций. Денег, как правило, не хватает и появляется дополнительное искушение урвать их нечестным способом. А потом жить в этом бункере, внушая себе, своему семейству и окружающим, что это одоробло - пик благоустроенности. На самом же деле это расплата за дурь, точнее, отнятый Богом разум в виде томления в этом бетонном гробу с металлочерепичной крышкой.

Это одна из бед, которая, на самом деле, лежит в области духа. Хочу, чтобы у меня было всего, как можно больше. Это греховность человеческой натуры, это даже не психология, это гораздо глубже.

О.Иоанн: «Недавно в одном из домов я увидел бассейн - гигантский, но пустой. Там воды - цистерны две железнодорожных надо залить, чтобы

хоть наполовину его заполнить. Причём, если бы это водохранилище было во дворе - ну, там можно было бы разводить осетровых. Но он - в доме, на первом этаже - занимает самое удобное пространство для повседневной жизни. Дом, конечно, громадный, но уютиться любит хозяин у себя в маленькой комнатке на четвёртом этаже».

Если бы прибавить к нашим рассуждениям немножко ханжества, то мы бы в таком патетическом духе, с придыханием восклицали: о, сколько народу жизни свои тратят на вещи совершенно ненужные, а ведь одно только надо на потребу! Но мы от этого воздержимся, потому что истина, она, чаще всего, неуловима, и не всегда так просто поставить точку в нужном месте и указать - вот здесь разумная мера достатка!

Когда тесно в доме, ведь, тоже плохо. Если в избушке пять на два метра живёт молодая пара с тещей, свекровью, собакой, двумя котами и козой - это дискомфортно. Хотя, в принципе, если молодые оставят себе кота, а всех остальных переселят в другую квартиру, тогда, может быть, будет уже и сносно, особенно, если они души друг в друге не чают.

О.Иоанн: «Маленькое помещение при рациональном использовании пространства действительно может оказаться вполне достаточным. Мой рабочий кабинет, в котором я провожу большую часть суток - два метра пятьдесят на два метра шестьдесят. Там вмещается шикарный рабочий стол, два компьютера, три монитора, два принтера, сканер, справочная литература, буфет и много чего другого. Причём, мне не тесно. От мамы способностей в плане рационального использования места я унаследовал не более 3-х процентов, но когда надо организовать среду, у меня это получается. Зал у нас, конечно, большой, но он необходим для проведения занятий.

Но есть специалисты-виртуозы в этом деле. В своё время меня поразили каюты теплохода «Генерал Ватутин». Это, в году 89-м, международными миротворческими организациями было проведено такое грандиозное мероприятие - «Круиз мира по Днепру». Ну и меня определили вместе с отцом Антонином Дьяковским представлять церкви Херсона. И попал я тогда впервые на теплоход такого класса. Каюты были настолько маленькими, ну, приблизительно метра 2 на 4, но казались настолько уютными, что выходить из них не хотелось. Там вмещались две кровати, столик, шкафчик для всякой всячины, гардероб для одежды, душевая, туалет. Причём удивительно просторно получилось и сказочно удобно. Как все это можно было вместить в комнатку 2x4 вообразить трудно. Однако - факт.

В маленьких пространствах жить комфортно и счастливо можно вполне. Другое дело, если ты не один, то проблемы могут возникнуть, но уже в другой плоскости. Угнетает, на самом деле, не столько теснота, сколь невозможность уединиться. Муж футбол смотрит по телевизору, дети бесятся, а жене-учительнице контрольные по математике - 120 тетрадей надо проверить. Это дискомфорт, но дискомфорт не маленьких комнат, а отсутствия стальных перегородок - малого количества **изолированных** помещений. И здесь тысячу раз прав булгаковский персонаж - профессор Преображенский, который говорил, что предпочитает оперировать в операционной, а принимать пищу там, где её принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской.

Сейчас, наоборот, модно ломать перегородки в квартирах и соединять комнаты, кухню и коридор в одно пространство. Иногда это оправдано - в том случае, например, если в квартире живут двое, и им не от кого отгораживаться. Но если под одной крышей ютятся 3 поколения, то может, наоборот - из одной относительно большой комнаты есть смысл сделать три маленьких. **Не увеличивать пространство, а отмежеваться.**

Иногда очень важно **отгородиться** от всего мира, чтобы иметь возможность в любой момент побыть одному, подумать о своей жизни, помолиться Богу. Монашеские кельи, отшельнические пещеры - они были крошечными, но по-своему комфортными.

Возможность побыть в тишине, за чтением Библии, в созерцании - это тоже вопрос комфорта, но это та составляющая подлинного комфорта, за которую **стоит** бороться, воевать, пахать с утра до вечера и платить любые деньги..

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтете нужным